

тысячи лѣтъ до Р. Х.), помогите, я заточенъ хуже всякой могилы, на уединенномъ утесѣ, на вершинѣ всѣхъ вершинъ горы «Кунъ лунь». Но, что я слышу? Да, здѣсь я не одинокъ. Что за тварь тутъ-то можетъ окружать меня? Вижу! Тигры, тигры около меня. Да, несомнѣнно, это они. Какъ не узнать ихъ по пестротѣ одежды. Но, изъ его шкуры торчатъ стрѣлы; въ стрѣлахъ пламя; изъ пламени просачивается струя какой-то влаги, распространяющей ароматъ чая. Увидѣвъ такое чудовище, я обмеръ, и въ моемъ воображеніи стали являться воспоминанія о прежней жизни, когда тигровая шкура была украшеніемъ для моего кресла; когда если и приключалась боязнь, то только отъ ожидаемаго доноса по службѣ; когда непріятность могла состоять только отъ недоваренной каши, отъ зубной боли; когда... Тысячи пекинскихъ воспоминаній въ одно мгновеніе собрались около меня въ разнообразныхъ картинахъ. Продолжалось бы также на вѣчно! Но нѣтъ, горькая дѣйствительность предъ глазами. Я очнулся, и мои фантазіи исчезли какъ дымъ, какъ мыльный пузырь. Я снова съ трепетомъ увидѣлъ предъ собой все того же тигра, страшилище изъ страшилищъ. Я обомлѣлъ, когда этотъ тигръ, словно ошалѣлый, своей лапой схватилъ меня, и повесся куда-то. Итакъ оказалось, что я былъ на какой-то дьявольской станціи. Но что со мною? Чувствую, что въ моей головѣ воютъ вѣтры; чувствую, что моя душа забыла о своемъ вмѣстилищѣ въ животѣ. Повидимому,—не увѣряю такъ ли, но мнѣ чувствовалось, что тигровыя стрѣлы проникали въ меня и съ какимъ-то сладострастнымъ искусомъ щекотаютъ мои нервы, а струи его влаги орошаютъ меня небеснымъ благоуханіемъ. Но, однакожъ, гдѣ же я? Вижу, какъ тигръ несетъ меня съ быстротой молніи, легко, словно перышко, перепрыгивая исполинскими прыжками съ одной скалы на другую. Овъ то бѣжалъ, то летѣлъ и прыгалъ, выплывая разные пируэты. Очень страшно; а между тѣмъ, предо мной опять появляются красоты природы, величественныя озера и рѣки, дебри, но все отличалось кромѣшной суровостію. Нѣтъ, я ошибся; вотъ тамъ, на зеленой лужайкѣ я встрѣтилъ обворожительную долину; увидѣлъ и не могъ не засмотрѣться на сидящихъ тамъ юныхъ дѣвъ, поразившихъ меня прелестными ножками, миниатюрными какъ наперстки; ихъ головные уборы разукрашены живыми цвѣтами, жемчугомъ и золотомъ. Это не обитательницы ли неба? Какъ сладко я увлекся бы въ объятіяхъ такихъ птичекъ! Но... прочь лучшія, напрасныя мечты. Я уже въ объятіяхъ, но у кого? Дѣйствительность меня удостовѣряетъ, что меня держитъ въ лапѣ безобразный, свирѣпый тигръ. О, несчастный!